

своего логического финиша, самодержец до “революционера сверху” не дошел. Именно это и заставило российское освободительное движение сменить надежду на “революцию сверху” на лозунг “К топору зовите Русь!” Самодержавие упустило уникальную возможность. В порядок дня встала подготовка революции в ее классической форме.

Именно потому, что в российском историческом процессе не просматривается ни одна “революция сверху”, за 12 лет XX века наше Отечество пережило три революции, из которых две первых — прямое следствие того, что “1861 год” их не предупредил.

Примечания

- ¹ Эйдельман Н. Я. “Революция сверху” в России. М., 1989. С. 25.
- ² Там же. С. 85.
- ³ Ленин В. И. ПСС. Т. 20. С. 167—168.
- ⁴ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 607
- ⁵ См.: Предложения и проекты П. А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862-1866 гг.) // Исторический архив. 1958. № 1 С. 143 (публикация В. В. Гармизы).
- ⁶ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 181.
- ⁷ См.: Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 40.
- ⁸ См., напр.: Волжский В. Судьба реформаторов//Неделя. 1990 № 43.
- ⁹ Цит. по: Чернуха В. Г. Указ. соч. С. 45.
- ¹⁰ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и деятельность. Т. 1 СПб, 1903. С. 525.
- ¹¹ Там же. С. 534.
- ¹² Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1898 С. 875.
- ¹³ Все перипетии этой попытки осуществления проекта Шувалова см.: Чернуха В. Г. Указ. соч. С. 67—118. Я воспользовался этим описанием
- ¹⁴ Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1968. Т. 5. С. 195-196.

© 1991 г.

Б. В. АНАНЬИЧ, Р. Ш. ГАНЕЛИН

КРИЗИС ВЛАСТИ В РОССИИ.

РЕФОРМЫ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС. 1905 и 1917 годы

Реформы и революции — альтернативные способы разрешения назревших общественных государственных проблем. Одной из причин падения самодержавия в феврале 1917 г. были неспособность и нежелание правительства идти по пути последовательного реформаторства.

Кризис власти в России проявился еще в конце первой четверти XIX в. Даже реформы 60-х гг. можно сказать, были отражением этого кризиса, ибо правительство вынуждено было приступить к ним, чтобы привести систему государственного управления и экономику в соответствие с требованиями времени. Революционный процесс несомненно оказывал влияние на реформаторскую политику правительства. Однако реформы 60-х гг. не были доведены до конца, что не только укрепило положение правительства, но и вызвало недовольство как сторонников либеральных преобразований, так и противников реформ.

Своевременные радикальные реформы обычно сковывали и даже сводили на нет развил

Ананьич Борис Васильевич, член-корр. АН СССР, ведущий научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

Ганелин Рафаил Шоломович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

революционных процессов. Конечно, связь этих двух явлений значительно сложнее. Уяснение ее требует ответа на ряд вопросов, например, как сказывалось на развитии революционных настроений в обществе запоздалое реформаторство, прерванное и незавершенное реформаторство, непоследовательное реформаторство, отказ от уже проведенных реформ и возвращение к старым порядкам (контрреформаторство)? В какой степени ход революционного процесса подталкивал правительство к проведению реформ, способствовал их радикализации, или побуждал правительство отказаться от реформ из опасения, что они лишь подстегнут и ускорят революционное брожение? Разумеется, надо учитывать особенности периода, в условиях которого рассматриваются взаимодействие реформаторского и революционного процессов и место каждого из них в общественной жизни. Так, если период 60-х гг. характеризуется как “эпоха великих реформ”, то начало XX столетия стало для России “эпохой великих революций”. Верховная власть в лице императора поразному вынуждена была считаться и считалась при проведении реформ с общественным настроением и уровнем революционного движения. Александр I намерен был отменить крепостное право, и закон 1803 г. о вольных хлебопашцах был первым шагом на пути к реформе. Однако, согласно историографической традиции, Александр I не решился сделать следующий шаг, опасаясь серьезного недовольства со стороны крупных помещиков, и “вынужден был под напором мощной косной силы повернуть вспять”¹.

Отказ от последовательного реформаторства в царствование Александра I положил начало развитию кризиса властей, который на протяжении XIX в. все более углублялся. Как время тридцатилетнего застоя расценивал царствование Николая I Н. Х. Бунге, известный русский государственный деятель 80—90-х гг. XIX в., придерживавшийся либеральных взглядов. Однако, отмечал он, Николая I не оставляла мысль о проведении крестьянской реформы, и “вопрос об освобождении крестьян не сходил с очереди до 1848 г., когда революционное движение в Европе его затормозило”². Наконец, в советской историографии начало реформ 60-х гг., и в частности отмена крепостного права, прямо связывается с возникновением первой революционной ситуации на рубеже 50—60-х гг., а политика реформаторства рассматривается как попытка правительства снять социальное напряжение³, или даже как вынужденная уступка революционному натиску. Так, в коллективной монографии, посвященной первой революционной ситуации, подчеркивалось, что она позволила “вырвать у попавшего в кризис царизма реформы”, причем кроме крестьянской “вырваны были земская, городская и судебная реформы, отменены телесные наказания, проведены финансовые реформы и реформы в области народного образования”⁴. Даже проведение военной реформы 1874 г., десять лет спустя после спада революционной ситуации, авторы монографии объясняют как своеобразное “последствие” революционной ситуации, вызванное страхом правительства перед опасностью ее повторения⁵. После второй революционной ситуации 1870—1880-х гг., как известно, начался период реакции. По мнению авторов монографии, “опыт отступления перед страхом “последствия” революционной ситуации был царизмом учтен, страх преодолели”⁶. Такое объяснение только подчеркивает тенденцию, свойственную изданию в целом,— выделить влияние первой революционной ситуации как решающего фактора в реформаторском процессе 1860-х гг. В результате отступают на задний план другие побудительные мотивы государственных преобразований как неотъемлемой части исторического процесса.

Правительство несомненно боялось народных выступлений. Этим продиктованы меры предосторожности, принятые в дни отмены крепостного права, этим отчасти объясняются и колебания Александра III и Николая II при выборе политического курса в первые месяцы после вступления на престол. Однако, как нам представляется, о непосредственном влиянии революционного процесса на реформаторскую политику правительства можно говорить только начиная с XX столетия, накануне и в период революции 1905—1907 гг., когда страна жила в обстановке обострившегося кризиса власти. Именно тогда, в условиях чрезвычайных, правительство прибегло к поспешному и относительно радикальному реформаторству. Столь же поспешно предпринимались в период спада революционного движения и попытки отказаться от уже сделанных уступок.

В начале XX в. связь реформ с революционным процессом стала фактом общепризнанным. Не случайно это — тема большинства печатавшихся в либеральном “Освобождении” статей. Газета призвала правительство к радикальным реформам, пугая его призраком революции. Следует учитывать многое объясняющую в государственно-политической истории революционных лет тактику либерального лагеря — использование ими революционного движения масс для давления на царизм в своих интересах. Суть этой тактики весьма точно отразил П. Н. Милоков, процитировав латинское изречение: “Если не смогу склонить высших [богов], двину Ахеронт [адскую реку]”⁷. Разу-

меется, революционные народные массы (“адская река”) отнюдь не могли быть “двинуты” лишь по усмотрению либералов, но в борьбе за власть либералы предусматривали и такие формы этой борьбы. Однако если вся приведенная Милюковым формула как нельзя более полно отражала социально-политическую природу либерализма, то первая ее часть свидетельствовала о готовности либеральных политиков к переговорам с правительством. Со своей стороны оно пыталось отыскать такую меру в своих уступках либеральной оппозиции, которая удовлетворила бы требования “благомыслящих”, изолировала “крайних” и воспрепятствовала нарастанию массового движения против самодержавного строя.

Крестьянские восстания в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. оказали влияние на окончательное решение давно назревшего вопроса об отмене круговой поруки и ускорили появление Манифеста 26 февраля 1903 г. Нараставшие революционные события вынудили правительство к изданию указа от 12 декабря 1904 г. При подготовке этого указа были использованы многие не осуществленные в прошлом реформаторские проекты, идеи Н. Х. Бунге, М. Т. Лорис-Меликова, проект преобразования Сената с целью превращения его в оплот законности в империи (проект этот еще в 60-х гг. выдвигался Д. Н. Замятинным).

Очевидно, недооценив революционную угрозу, о которой неоднократно предупреждал в своих докладах министр внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирский, царь выхолостил указ от 12 декабря 1904 г., этот последний перед революцией 1905 г. реформаторский акт, собственноручно изъяв из него пункт о созыве представительства.

Ход событий революции 1905—1907 гг. позволяет судить о прямой зависимости представительного реформаторства от революционного процесса.

Известно, что после “Кровавого воскресенья” необходимость государственных преобразований настойчиво доказывалась Николаю II с разных сторон. Дважды совершенно недвусмысленные и лишенные обычного политаеса беседы вел с ним во второй половине января министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, который по свойствам своего характера, отсутствию личных политических амбиций и т. п. никак не мог быть заподозрен в стремлении покуситься на часть царских прерогатив, в чем неизменно обвиняли С. Ю. Витте. Наконец, 3 февраля царь созвал Совет министров, чего он никогда прежде не делал. Открывая заседание, он сказал, что разрывается (“мечусь направо и налево”) между желанием не делать никаких отступлений от самодержавного образа правления (“отложить до более спокойного времени”, что скорее всего означало воздерживаться от перемен до последней возможности) и боязнь “потерять все”. Упомянув о вычеркнутом из указа от 12 декабря 1904 г. пункте о представительстве, царь объяснил это “вескими соображениями”, сведя их к затейливой формуле — “парламентриляндия адвокатов”. Каждый элемент этой формулы — парламент, Финляндия с ее особым положением и правами и, наконец, адвокаты — вызывал у него раздражение. Обоснованию ненужности перемен была подчинена и историческая концепция царя (“у нас не было феодализма, всегда было единение и доверие”) соответствовавшая почти общепринятому в дореволюционной историографии представлению о русском обществе, которому противоречия политических интересов на всех этапах развития якобы были традиционно чужды.

С самого начала не скрывая своего отношения к представительству (“Представительства не понимаю. Земский собор никто не понимает”), введение которого должно было составить предмет рескрипта министру внутренних дел, царь готовился издать манифест об усилении карательных мер (“властного голоса о смуте не слышно”)⁸.

Как известно, январские события 1905 г. вынудили все же Николая II издать рескрипт от 18 февраля о представительстве, поручавший министру внутренних дел подготовку законодательства о создании представительного учреждения — законосовещательной Булыгинской думы (она так и не была созвана). Но реформы, продиктованные революционным натиском, часто опаздывали. Как и с указом от 12 декабря 1904 г., которой уже в январе 1905 г. потерял всякий смысл, то же произошло и с Булыгинской думой (закон от 6 августа 1905 г.). Ее смела Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г., парализовавшая деловую жизнь страны и деятельность правительства. 17 октября бастовал Государственный банк. Только в этих условиях царь пошел на такие уступки, как создание объединенного правительства и представительного учреждения с законодательными правами. Манифест 17 октября и изданные на его основе законы — образец вынужденного реформаторства.

Весьма выразительным примером исторической возможности (или невозможности) сочетания реформаторского курса политики царизма с его приверженностью традиционному самодержавному

образу правления является известный эпизод с приемом 6 июня 1905 г. Николаем II земской депутации с адресом. Пафос этого адреса был направлен против усиления полицейской власти, против “преступных небрежений и злоупотреблений советчиков государя”. Но, как отмечал в своих воспоминаниях В. А. Маклаков, “по существу адрес не провоцировал революции, не задавался целью колебать историческую власть; он обещал ей поддержку русского земства”⁹. На поддержку со стороны “благонамеренной” оппозиции в тот момент рассчитывали и Д. Ф. Трепов, и другие окружавшие трон сановники. Недаром составитель адреса С. Н. Трубецкой был приглашен к царю телеграммой. В ответ на его “ласковый отеческий тон” царь заявил о непреклонном своем решении созвать народных представителей, а депутатов объявил своими помощниками¹⁰. Придворные, до приема предупреждавшие земцев: “Вы опасную игру играете!”, теперь рассыпались в приветствиях. Трепов прощупывал, не примет ли Трубецкой пост министра народного просвещения (именно этот пост еще в 1902 г. В. К. Плеве предлагал П. Н. Милюкову). “Довольны и депутация, и государь”, — сообщал Трубецкой жене. “Это была правильная и умная постановка вопроса, которую государь оценил”, — писал Маклаков¹¹. Милюков вспоминал об этом так: “Впервые царь был действительно тронут голосом из другого мира; впервые из его уст послышались слова, похожие на искреннее обещание реформы и как бы понимание ее необходимости”¹². Однако получив текст царской речи, депутаты с удивлением обнаружили, что произнесенные царем на приеме слова, которые они считали высшим своим достижением, были в нем изменены. “Народные представители” были заменены “выборными людьми”, а депутаты не назывались более царскими помощниками. Особого смысла в этом не было, и, когда царь вскоре пожаловался А. Оболенскому, что “его хотят изловить на слове”, то услышал вовсе неожиданную для себя трактовку дела. “В сущности выборные люди гораздо более значат, чем представители. Представители — что? Мало ли представителей разных ведомств сидят во всевозможных комиссиях — а выборные люди — это другая музыка!” — внушал Оболенский¹³. Царь был как будто смущен. Но 9 июня губернаторам был разослан циркуляр Главного управления по делам печати, констатировавший, что царская речь изложена некоторыми газетами неточно, появившиеся в них слова о “созыве народных представителей на началах существующих в конституционных государствах Западной Европы” — результат произвольного толкования, а в речи царя было лишь выражено, что созыв выборных людей “ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам”. В циркуляре подчеркивалось, что в речи царя “не содержится решительно ни малейших указаний на возможность каких-либо изменений в основных законах империи”, и предписывалось приводить ее “только в той точной редакции, которая опубликована в “Правительственном вестнике” безо всяких изменений и сокращений”. Вскоре последовал и циркуляр губернаторам об одобрении царем обращения ярославского губернатора Роговича к крестьянам с предостережением против расширительного толкования газетами рескрипта 18 февраля. Через несколько дней царю была представлена записка двадцати шести губернских предводителей дворянства в поддержку обращения от 6 июня с упоминаниями не только о том, что “тускнеет блеск его образа”, но и о “личной опасности” для него, о возможности “несчастья с государем”. Но при дворе видели личную опасность именно в установлении правового строя. Когда ген. Х. Х. Рооп попробовал заметить царю, что введение представительства обезопасит его особу, присутствовавший при этом великий князь Владимир Александрович воскликнул: “Что Вы говорите, Христофор Христофорович, а Карно, а Мак-Кинлей?” В записке предводителей говорилось: “Роковое значение обстоятельств таково, что если бы удалось силою отсрочить революцию, не устранив ее причин, каждый месяц такой отсрочки отозвался бы в грядущем несоразмерным усилением ее кровавой беспощадности и безумной свирепости”.

Петербургский и московский предводители В. В. Гудович и П. Н. Трубецкой, вручившие царю записку, сомневались в ее действенности и прямо сказали ему: “Вот Вы нас сегодня милостиво принимаете и соглашаетесь с нами, а завтра Вам будет представляться Доррер (курский предводитель, известный крайними реакционно-монархическими взглядами. — *Авт.*), и Вы с ним согласитель!” Ошиблись они всего на один день: их разговор с царем происходил 18 июня, а 20 июня, принимая представителей курских дворян с Доррером во главе, царь заверил, что все будет “по старине”¹⁴ и еще раз подтвердил это 21 июня при встрече с депутатской московской “Союза русских людей” и петербургской “Отечественного союза”.

Объясняя свое согласие на подписание Манифеста 17 октября, Николай II всегда говорил о безвыходности своего положения. Уже 16 октября в своем ответе на треповский отзыв о виттевском проекте манифеста царь писал: “Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отвора-

чивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее по совести я предпочитаю давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки придти к тому же»¹⁵. Эти слова означали, по-видимому, признание отступления перед Витте. О днях накануне 17 октября царь писал матери: «Наступили грозные тихие дни, именно тихие, потому что на улицах был полный порядок, а каждый знал, что готовится что-то — войска ждали сигнала, а те не начинали. Чувство было, как бывает летом перед сильной грозой, нервы у всех были натянуты до невозможности, и, конечно, такое положение не могло продолжаться долго <...> Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу,— вспоминал царь виттевский ультиматум,— затем была бы передышка, и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силой; но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы впредь не могли осуществляться бы. Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, обязательства роводить всякий законопроект через Государственную думу — это, в сущности, и есть конституция <...> Почти все, к кому я обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода нет». Царь называл свой шаг «страшным решением», которое он «тем не менее ... принял совершенно сознательно»¹⁶.

Николай II с ненавистью относился к Государственной думе с момента ее возникновения. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания об открытии Государственной думы и, в частности, очерк, принадлежащий перу известного русского юриста А. Ф. Кони. По его свидетельству, сама церемония открытия Думы была воспринята представителями царствовавшего дома как похороны самодержавия¹⁷. Торжественный акт этот состоялся в Зимнем дворце 26 апреля, затем думские депутаты отправились на пароходах в Таврический дворец на первое свое заседание. Со слов матери Николая II императрицы Марии Федоровны ее «близкий интимный друг» статс-дама Арапова рассказывала 29 апреля 1906 г. на завтрак у княгини Ю. П. Хилковой, что царь и царица была потрясены встречей с «народными избранниками». Из Троицкого зала Зимнего дворца они прошли в будуар Александры Федоровны, где царица-мать застала своего сына «глубоко сидящим в кресле и у его ног, на коленях, свою невестку, которая, глядя голову государя, повторяла: я все это предвидела... предвидела... я говорила». «По лицу моего сына,— жаловалась Мария Федоровна,— текли слезы... Вдруг он сильно ударил кулаком по локотнику кресла и крикнул: я ее создал и я ее уничтожу... так будет. Верьте мне. И мой сын при этих словах перекрестился»¹⁸.

Отношение Николая II к Государственной думе не только в 1906—1907 гг., но и позднее только подтверждает достоверность рассказанного. Достаточно вспомнить злорадную запись царя в своем дневнике, сделанную в день роспуска I Думы: «Совершилось! Дума сегодня закрыта. У многих вытянувшиеся лица»¹⁹, или его активное и решительное участие в подготовке третьиюньского переворота 1907 г. В известном письме, доставленном в 2 часа ночи 2 июня 1907 г. из Петергофа в Петербург, где в летней резиденции П. А. Столыпина министры ожидали приезда курьера с манифестом о роспуске Думы, Николай II не скрывал своей ненависти к Думе и продемонстрировал, казалось бы, не свойственные ему качества жесткого и решительного политика. «Я ожидал целый день с нетерпением извещения вашего о совершившемся роспуске проклятой Думы,— писал царь.— Но вместе с тем сердце чуяло, что дело выйдет не чисто и пойдет взятяжку. Это недопустимо. Дума должна быть завтра, в воскресенье утром, распущена. Твердость и решимость — вот что нужно показать России. Разгон Думы сейчас правилен и насущно необходим. Ни одной отсрочки, ни минуты колебания! Смелый бог владеет!»²⁰

После 17 октября мечтой императора было возвращение к законосовещательной Думе условиях революции было положено начало столыпинскому аграрному законодательству. Закон от 9 ноября 1906 г., столыпинскую аграрную реформу, хотя она и не была вырвана революцией, нельзя рассматривать в отрыве от революционного процесса. Реформа также явилась его результатом. В сущности, этот законодательный акт готовился в течение нескольких лет в обстановке революционной ситуации начала столетия. Зачатки его мы видим в аграрной программ Витте конца столетия и даже в известной мере в аграрной политике Плеве последних лет. Столыпинскому законодательству предшествовали такие важные акты, направленные на разрушение общинного землевладения, как отмена круговой поруки и паспортная реформа.

Законодательные акты, принятые в условиях революции, явились вершиной правительственного реформаторства. Как известно, после спада революционного движения правительство сде-

лало ряд отступлений от принятых законов, стремясь ограничить, в частности, права представительного учреждения — Государственной думы.

Можно ли говорить о том, что реформы 1860-х гг., хотя и с опозданием, были завершены в период революции 1905—1907 гг.? Самодержавие не превратилось в буржуазную монархию. Государственная дума не стала парламентом. Объединенное правительство, созданное в октябре 1905 г., не стало кабинетом министров в западноевропейском смысле. Витте-премьер обладал меньшей властью, чем Витте-министр финансов, в 1890-е гг. пользовавшийся расположением и поддержкой императора.

Остались незавершенными судебная, земская реформы (парадокс состоит в том, что не осуществились как контрреформаторские, так и реформаторские проекты). Сохранилась сословная система, хотя она и была подорвана рядом законодательных актов и размывалась самой жизнью. Самодержавие не могло сотрудничать ни с первой, ни со второй Государственными думами; напряженные до предела отношения сохранялись у Николая II и его окружения с первым Советом министров и его председателем С. Ю. Витте. Совет министров собирался в резиденции Витте на Дворцовой набережной в Петербурге и функционировал как объединенное правительство, а Николай II в Царском Селе принимал всеподданнейшие доклады министров в строгом соответствии с традицией.

Сотрудничество, или точнее сосуществование, объединенного правительства и представительного учреждения с царской властью приняло более или менее устойчивый характер только после переворота 3 июня 1907 г. Столыпин, искусный политический деятель, пытался совместить несовместимое — представительство и самодержавие. Некоторые его попытки заняты завершением реформ 1860-х гг., как, например, было в случае с введением земств в Западном крае, потерпели неудачу.

Но и политика Столыпина вызывала раздражение Николая II, не желавшего считаться с уже возникшими политическими партиями русской буржуазии. Столыпин был последним крупным политическим деятелем среди русских премьер-министров. Витте и Столыпин, великие прагматики в политике, были мастерами приспособлять феодальную форму правления к развивавшимся буржуазным отношениям. Их преемники на этом посту даже и не помышляли о такого рода деятельности.

Итак, в канун первой мировой войны правительство царя не только не стояло во главе реформаторского процесса, но уже не имело никакой четкой политической программы — ни буржуазно-либеральной, ни контрреформаторской, консервативной. Во главе правительства не было государственных деятелей с достаточно широкими политическими взглядами. Политический курс диктовался интересами дня и общими принципами правительственной политики, главным из которых был принцип незыблемости самодержавия. Именно этот принцип стал причиной острого конфликта, разразившегося между царем и министрами в 1915 г., когда Николай II уволил с поста верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и занял этот пост сам. Он не только отказывался удовлетворить требования ответственного перед Думой министерства, но и не шел на создание министерства доверия из числа пользующихся поддержкой Думы министров. Но реформаторские идеи существовали не только в либеральных сферах и не только как альтернатива революции. Вопрос о характере и границах реформ был составной частью идеологии революционной демократии в связи с проблемой буржуазной революции. Большевики представляли себе развитие революции как приход к власти сначала крупной буржуазии, затем — революционной мелкой буржуазии, и — лишь после длительного пребывания в оппозиции к мелкобуржуазному господству — пролетариата. Отсюда последовательная смена государственных форм: вместо самодержавия — буржуазная монархия, а затем мелкобуржуазная демократическая республика. “Предстоящая революция,— писал А. Мартынов,— не может реализовать никаких политических форм против воли всей буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня”²¹.

Ссылаясь на опыт классических буржуазных революций в Европе, меньшевики, в сущности, более всего обращались к революции 1848 г. в Германии, между тем как большевики, не боясь обвинений в якобинстве, широко опирались на уроки французской революции 1789 г. В этом, несомненно, нашел свое отражение тот кардинальный факт, что во Франции в 1789 г. буржуазно-демократический переворот был доведен до конца, до установления республиканского строя, а в Германии в 1848 г. он не сломил монархию и реакцию.

Опираясь на высказывание К. Маркса о том, что самодержавке сменяется буржуазной монархией, а затем — мелкобуржуазной демократической республикой, меньшевики стремились применить его к российской действительности.

Схеме исторического развития, рассчитанной на систему реформ, которой придерживались меньшевики, В. И. Ленин противопоставил основанную на теории гегемонии пролетариата возможность победы народного восстания совершить прыжок, какой определил, “на две ступени сразу”²², т. е. перескочить через стадию буржуазной монархии. Общественно-исторический и революционный опыт российского пролетариата, уровень его классового развития были иными, нежели в Германии 1848 г. И это, с точки зрения Ленина, открывало перед революционным процессом совсем другие перспективы, хотя нельзя игнорировать то обстоятельство, что важное место во взглядах Ленина принадлежало расчету на победу социалистической революции в мировом масштабе. Что же касается аналогии между политическими позициями германской буржуазии в 1848 г. и российской — в 1917-м, она-то и оборачивалась важнейшим аргументом в спорах вокруг перспектив революции в России. Именно в свете уроков поведения всей европейской буржуазии в 1848—1849 гг. критиковалась ставка меньшевиков на установление власти буржуазии в России, на подталкивание к власти буржуазных политиков.

Какова была природа политической позиции российской буржуазии, которая вместе с другими классами общества оказалась в числе противников монархии? Мы не склонны недооценивать значение буржуазной оппозиционности, в частности созданного во время первой мировой войны “Прогрессивного блока”, политическое значение которого как раз и определялось участием в нем праволиберальных сил. Известно, что в глазах Николая II и особенно Александры Федоровны думские лидеры или ненавистный царской чете А. И. Гучков иногда выглядели более грозными врагами трона и династии, чем революционные массы. Вера в то, что “преданность простого народа своему монарху” отнюдь не иссякла, не покидала носителей высшей власти. Натиск же оппозиционного лагеря не только мог привести царизм к политической изоляции, но и умалял его престиж во времена и без того критические. Между тем величие, непререкаемость, неприступность царской власти, связанные для обывателя с ее “божественным” происхождением, были одной из основ режима, и пренебрежение этим со стороны широкого круга думских политиков различного спектра, в том числе и таких, от которых ожидали лишь “благонамеренности”, наносило режиму царской власти чувствительный для нее удар.

Оппозиционность буржуазии имела различные причины, среди них — недовольство неудачами царизма в войне, нервная реакция на слухи о сепаратном мире, общее стремление взять руководство страной в свои руки. Однако в российской буржуазной оппозиционности накануне Февраля был и страх перед революционным народом, питавшийся, в частности, опытом 1905 г. Царизм же представлялся таким политическим режимом, который не справляется с поддержанием социального мира в стране, а лишь постоянно вызывает недовольство масс.

В этой связи следует остановиться на известной версии о двух заговорах, имеющей определенную историографическую традицию.

Под первым из них, так называемым “заговором царизма”, подразумевалось приписываемое Николаю II и особенно Александре Федоровне стремление добиться сепаратного мира с Германией. Слухи об этом получили самое широкое распространение в буржуазной и мелкобуржуазной среде. Толки о “темных силах”, группировавшихся вокруг пресловутого “старца” Григория Распутина, становились в конце 1916 г. все громче.

Под вторым заговором — “заговором буржуазии” — имелась в виду деятельность нескольких заговорщических кружков из лидеров думской оппозиции, генералов и даже членов “великокняжеской партии”, как называли недовольных политикой царской четы представителей императорской фамилии. Под флагом предотвращения сепаратного мира эти кружки готовили разные варианты дворцового переворота. Деятельность эта протекала до такой степени открыто, что может быть названа заговорщической лишь условно. Подчеркивая парадоксальность этого, академик Е. В. Тарле привел слова одного иностранца, сказанные накануне Февральской революции: “В России зреет против царя заговор, о котором открыто говорят заговорщики самому царю”²³.

Мемуаристы дружно свидетельствуют о планах оппозиции теми или иными способами заставить Николая II принять ее требования, среди которых первым было создание ответственного перед Думой правительства. Это, как писал впоследствии Гучков, представлялось “наилучшим выходом из положения”. Попытки добиться этого делали представители различных кругов — от великих князей и председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко до правого кадета, в прошлом легального марксиста П. Б. Струве. О безуспешности подобных демаршей и своего в том числе рассказал впоследствии генерал А. А. Брусилов²⁴.

Об одном из заговорщических кружков рассказал в 1936 г. на страницах парижской эмигрантской газеты “Последние новости” Гучков. Кроме него в этот кружок входили Родзянко, а также будущие министры Временного правительства первого состава — П. Н. Милоков, Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко и др. Напуганные, по признанию Гучкова, предчувствием “большого народного революционного движения”, они намеревались с помощью офицества заменить на престоле Николая II его малолетним сыном Алексеем при регентстве брата царя вел. кн. Михаила Александровича²⁵.

О совещаниях буржуазных заговорщиков в январе 1917 г. упоминал в своих воспоминаниях А. И. Верховский, военный министр в правительстве Керенского. Он передал и слова Гучкова о том, что дворцовый переворот был назначен на 1 марта 1917 г. “К сожалению, революция предупредила нас”, — сказал Гучков. В декабре 1916 г. ему обещал свою помощь в совершении переворота и генерал Л. Г. Корнилов²⁶.

Существовал и другой план дворцового переворота — в пользу вел. кн. Николая Николаевича, пользовавшегося расположением в некоторых думских сферах. В 1915 г. царь сместил его с поста верховного главнокомандующего, заняв этот пост сам. Душой этого плана был кн. Г. Е. Львов, председатель Союза земств и городов, претендовавший на роль премьер-министра (он стал министром-председателем в первом составе Временного правительства)²⁷.

Черты кризиса власти в России накануне Февраля 1917 г. в значительной мере аналогичны происходившему во Франции накануне 1848 г. Укажем на письмо сына Луи-Филиппа, принца Жуанвильского, брату (“Я начинаю сильно беспокоиться, как бы нас не привели к революции...”), на “династическую оппозицию” Одиллона Барро под лозунгом “Реформа во избежание революции” и наконец на возникшую внутри самой правительственной партии группировку “прогрессивных консерваторов” во главе с Эмилем де Жирарденом, провозгласившим: “Мы в оппозиции, но мы не из оппозиции”²⁸. Было много общего и в колебаниях мелкобуржуазной демократии.

Именно приверженность к меньшевистской схеме развития революции обусловила причастность будущих вождей революционно-демократического лагеря к планам дворцового переворота.

“В конце января месяца мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским, — вспоминал его коллега по Трудовой группе В. Б. Станкевич. — Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможностям народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что раз вызванное народное массовое движение может попасть в крайне левые русла и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны”²⁹. Здесь следует сослаться на оценку, данную платформе либеральной оппозиции в выпущенной накануне Февральской революции листовке Петербургского комитета большевиков. “Думское большинство, земцы, городские тузы и дворяне недовольны царем потому, что он плохо ведет войну и что царская политика возмущает народ и открывает ему глаза на весь вред царской системы, — гласила листовка. —... Ропот этих господ и тех, кои мечтают о замене Николая II другим лицом, есть стремление спасти царские порядки, пожертвовать лицами, но сохранить систему”³⁰. Реформаторский курс, таким образом, совершенно отрицался применительно к условиям момента.

Обращаясь к характеристике действий буржуазных лидеров в революционные дни, отметим, что 26 февраля, когда на улицах Петрограда уже раздавалась стрельба, Бюро “Прогрессивного блока” с Милоковым в центре считало, что “неловко” даже думать о кандидатурах “достойных министров”, раз царь еще не обратился к Думе за рекомендациями. И на следующий день, 27-го, когда революционные события (как пишет Родзянко, “бесчинства”) приняли форму вооруженного восстания рабочих и солдат против царизма, лидеры оппозиции, чтобы не изменять своей верноподданнической лояльности, подчинившись царскому указу о перерыве в занятиях Думы, собрали частное совещание ее членов не в том зале, в котором она обычно заседала. Н. В. Некрасов, считавшийся среди кадетов левым, впоследствии видный деятель Временного правительства, настаивал, чтобы президиум Думы отправился к председателю Совета министров Голицыну и просил наделить “диктаторскими полномочиями для подавления бунта” генералов Поливанова или Маниковского. “Что же, князя Голицына из-под кровати будем мы вытаскивать?” — возражал ему М. А. Караулов. “Конечно, ехать к представителям правительства не нужно, да и бесполезно — они сами выпустили из рук власть. Но брать эту власть в свои руки Дума не может”, — заявил Милоков³¹.

И только когда здесь же, в Таврическом дворце, началось формирование Совета рабочих депутатов, буржуазные лидеры приняли решение создать Временный комитет Думы для взятия власти. “Родзянко долго не решался, — вспоминал В. В. Шульгин, один из думских правых. — Он все допытывался, что это будет — бунт или не бунт?”

Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Но я не революционер. Против верховной власти я не пойду. Не хочу идти... Как же быть? —спрашивал он и у меня. Я ответил совершенно неожиданно для самого себя, совершенно решительно:

Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите как верноподданный <...>

Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство — мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...³².

Не следует считать, что буржуазные лидеры боялись власти как таковой, они боялись лишь власти, выросшей из революции, стремились превратить ее в чисто буржуазную власть, сохранив трансформированную монархию.

“Внефракционные социал-демократы”, как называли себя игравшие важную роль в конструировании Исполкома Петроградского совета и Временного правительства Н. Н. Суханов и Ю. М. Стеклов, поступились одним из важнейших положений программы-минимум РСДРП — требованием демократической республики. Они сделали это в процессе передачи власти Исполкомом Петроградского совета думскому Временному комитету 1 марта 1917 г. Они не только проявили, по словам Ю. М. Стеклова, “политическое благоразумие”³³, не включив требования республики в условия передачи власти, но и пытались отрицать это, заявив публично 2 марта, что выдвинули требование республики перед думами, но те его отклонили.

А Милюков с развязанными благодаря этому руками на следующее утро 3 марта в переговорах с вел. кн. Михаилом Александровичем, к которому после отречения царя перешел престол, предпринял при поддержке Гучкова попытку сохранить монархию, уговорив великого князя принять корону. Это было в доме кн. О. Б. Путятиной на Миллионной улице, где еще 27 февраля скрытно поселился великий князь. Придя сюда переодетый “простолудином”, он оказался теперь по букве манифеста императором. Здесь собрались министры уже назначенного Временного правительства, Родзянко и некоторые члены Думского комитета.

“Белый, как лунь”, Милюков, по словам Шульгина, “каркал как ворон”. “Монарх — это ось... Единственная ось страны!” — твердил он, предрекая гибель России без монархии. “Это была как бы обструкция! — рассказывал другой очевидец. — Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить... никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему, обрывал Родзянко, Керенского, всех”. Милюков-мемуарист, в сущности, подтвердил эти зарисовки, отметив лишь, что Шульгин “немножко преувеличил”. “В моем карканьи была все-таки система”, — добавил он. План кадетского лидера состоял в том, чтобы немедленно на автомобилях бежать в Москву и начать вооруженную борьбу за монархию против революционного народа с помощью командования Северного фронта. “Может быть, тот же Рузский, — писал он о его командующем ген. Н. В. Рузском, — отнесся бы иначе к защите нового императора, при нем поставленного, чем к защите старого” Правый кадет В. А. Маклаков даже в 1954 г. в своих воспоминаниях не мог простить “лояльным, монархическим, конституционным партиям”, входившим во Временный комитет Государственной думы, того, что они 3 марта 1917 г. “убедили” Михаила отречься. (В дни корниловского мятежа он добивался от ген. М. В. Алексеева, чтобы “военная власть” возвела на трон Михаила). Керенский, также присутствовавший на Миллионной, разумеется, стоял за отречение³⁴. Царизм прекратил свое существование, и вопрос о том, можно ли было спасти его реформами, превратился из политического в исторический.

В советской литературе в 1960-х гг. он был поставлен А. Я. Аврехом. Анализируя причины, по которым Николай II противился осуществлению реформаторских проектов, А. Я. Аврех высказал мнение, что царь хотел, но не мог проводить реформы, опасаясь, что они дадут толчок революции³⁵.

На наш взгляд, отказ от самодержавной власти противоречил мировоззрению Николая II. Ему были по душе лишь такие преобразования, которые укрепили бы его власть и существовавший порядок вещей. Царь считал себя верховным патроном, покровителем и хозяином простого народа. Вот почему, когда перед правительством возникла альтернатива в проведении рабочей политики: введение кооператива (соучастия рабочих в прибылях) и буржуазного рабочего законодательства, с одной стороны, или проведение зубатовского эксперимента — с другой, то отдано было предпочтение последнему.

Феодальное мышление определило отношение верховной власти к предпринимательству и предпринимателям, банковской системе и финансовым отношениям. Царь считал невозможными какие бы то ни было проявления биржевой стихии. Министерство финансов стремилось командовать банками. Государственный банк играл роль банка банков и использовался как средство государ-

ственного воздействия на экономику. Правительство сдерживало образование предпринимательских организаций, контролировало акционерное учредительство.

Иногда в системе государственного вмешательства в экономическую жизнь страны начала XX в. видят признаки или зачатки правительственного регулирования в условиях западной буржуазной экономики 1930-х гг., но в России рубежа XIX—XX вв. государственное регулирование — феодального происхождения.

Феодальное мышление находило свое проявление в националистической окрашенности политического курса, в поисках в прошлом источников будущих преобразований, в отношении власти ко всякого рода общественной деятельности — земству, местному самоуправлению; феодальное мышление ярко отразилось и во влиянии на государственную политику людей, не занимавших официальных постов и не отвечавших за проведение политического курса (Безобразовский кружок, Распутин и его окружение). Все это определило мягко говоря “нестрогое” отношение к существовавшим законам. Важным источником для оценки этого явления могут служить стенографические отчеты Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, раскрывающие во всех деталях кризис власти накануне падения самодержавия.

А. А. Блок — один из редакторов этих отчетов — был потрясен общей картиной кризиса власти, которая открылась ему при допросах ее представителей. Его, конечно, интересовала психологическая сторона этого явления и он видел в нем известные национальные черты. Он писал: “Ни в одной стране допрос представителей высшей власти не дал бы картины столь блестящей в число литературным отношении; только старое русское правительство могло, за немногими исключениями отличаться такой бедностью аргументации, такой уязвимостью со стороны формальной, такой слабостью воли, такой нерасчлененностью суждений, свидетельствующей иногда о низком уровне культуры, а иногда о зачатках какой-то другой культуры, не развившейся и зачахнувшей <...>

Если мы видим, что бывший председатель Совета министров ссылается на свою “подневольность” в вопросах права, что старые полицейские чиновники могут быть приведены, путем логики и умеренного воздействия на волю, к простому покаянию, что у большинства нет убежденности в правоте идей и действий, которые они исповедовали и предпринимали три месяца назад, — то нельзя забывать, что это было русское правительство; если оно и не опиралось на общество, то по крайней мере поддерживалось им, кормилось от него; свойства, проявленные этими людьми, жили и до сих пор живут в народе; той же психологией обладают многие слои нации; те же качества проникают в толщу народа гораздо глубже, чем может представляться отвлеченному взгляду. Любя Россию, можно различно относиться к этим свойствам: можно негодуя любить, можно презирая прощать. Но прежде всего, необходимо показать эти свойства во всей их неукрашенности...”³⁶. Блок писал это в июне 1917 г. Из всех царских министров кануна революции он называл лишь нескольких, строго соблюдавших существовавшие законы. В частности, это пытавшиеся провести либеральные программы министры просвещения гр. И. И. Толстой и гр. П. Н. Игнатьев (оба они очень скоро были отставлены). Кризис власти в России, достигший в начале XX в. своего апогея, привел к падению царского режима. Его неспособность возглавить и последовательно проводить реформы, необходимые для успешного экономического и социального развития страны, — главная причина этого кризиса. Намеченные в правительственных кругах в первой четверти и в середине XIX в. программы преобразований так и не были полностью осуществлены не только к кануну первой российской революции, но и в ходе ее. Правительство медлило и запаздывало с реформами. Подхлестываемое революционной волной в октябре 1905 г., оно вынуждено было лихорадочно приступить к реформаторству, но как только революционное движение пошло на убыль, встало на путь реакции, тем самым дав сильный толчок новому революционному подъему, оказавшемуся для самодержавного режима уже роковым.

Примечания

¹ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С.232.

² Библиотека ЛОИИ СССР АН СССР. 1881-1894 гг. Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге. С. 5.

³ По мнению С. В. Мироненко, “и в середине XIX в. основная масса дворян была против реформы”, и “нарастание крестьянского движения” сыграло “не последнюю роль” в решении правительства “пойти на насилие над своей собственной опорой” и покончить с крепостным правом (Мироненко С. В. Указ. соч. С.232— 233).

⁴ Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. акад. М. В. Нечкиной. М., 1978. С.416.

- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. См. также специальное исследование “Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х гг.” (Колл. монография. Отв. ред. Б. С. Итенберг. М., 1983. 557 с.).
- ⁷ Милуков П. Н. Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С.329.
- ⁸ ЦГИА СССР, ф. 727, оп. 2, д. 40, л. 1 и сл.
- ⁹ Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России. Т. 1 [Б. М. и г] С.378—379.
- ¹⁰ См.: Трубецкая О. Из пережитого // Современные записки. Т. 65. Париж, 1937. С. 218.
- ¹¹ Маклаков В. А. Указ. соч. С. 379.
- ¹² Милуков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С.289.
- ¹³ См.: Трубецкая О. Указ. соч. С. 219.
- ¹⁴ Освобождение. 1905 № 75. 19 (6) августа. С. 132; Трубецкая О. Указ. соч. С. 222
- ¹⁵ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 114
- ¹⁶ Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 167—168. А. А. Кизеветтер, отметив симптомы того, что 16 октября всеобщая стачка стала выдыхаться, писал: “Но, с другой стороны, это было явление столь неожиданное и необычное, что власть вдруг ощутила панику. Как никак, центральная власть вдруг оказалась оторванной от страны, изолированной во всех смыслах, и нельзя было понять, что там делается и что там таится в этой вдруг онемевшей и застывшей в жуткой неподвижности стране” (Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 389.).
- ¹⁷ Кони А. Ф. Собрание сочинений. В 8-ми т. Т. 2. Открытие первой Государственной думы. М., 1966. С. 359.
- ¹⁸ Спасский-Одынец А. А. Четыре реки и одно море. Воспоминания. С. 316—317 Коллекция А. А. Спасского-Одынца в Бахметевском архиве Колумбийского университета.
- ¹⁹ Черменский Е. Д. Указ. соч. С.310.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Мартынов А. Две диктатуры. Женева, 1905. С. 58.
- ²² Ленин В. И. ПСС. Т. 10. С.233.
- ²³ Тарле Е. В. Соч. В 12-ти т. Т.П. Два заговора. М., 1961 С.684—689.
- ²⁴ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 223—224.
- ²⁵ Последние новости [Париж]. 1936. 9 сентября (№ 5647); 13 сентября (№ 5651)
- ²⁶ Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959 С. 144—158, 206, 228
- ²⁷ Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 90—100.
- ²⁸ История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 260—261.
- ²⁹ Февральская революция / Сост. С. А. Алексеев. С предисл. и примеч. А. И. Усагина. Изд. 2. М.; Л., 1926. С. 170.
- ³⁰ Листовки петербургских большевиков. 1902—1917 гг. Т. 2. (1907—1917). М. Л., 1939. С. 248.
- ³¹ Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе // Историк и современник. Ш. Берлин. 1922 С. 27—28.
- ³² Шульгин В. В. Дни//Февральская революция. Мемуары. М.; Л., 1925. С. 98—99.
- ³³ Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: Стеногр. отчет / Подг. к печ. М. Н. Цапенко. Предисл. Я. А. Яковлева. М. Л., 1927. С. 108—110.
- ³⁴ Но введения республики возглавленное им в апреле Временное правительство долго избегало. Лишь в сентябре оно приняло чисто декларативный акт об этом, стремясь противодействовать нараставшему влиянию большевистской партии и обеспечить одобрение ЦИКом создания Директории (Ганелин Р. Ш. Вокруг провозглашения России республикой (март — сентябрь 1917 г.)// Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 343 и сл.; Революционный Петроград в 1917 г. Л., 1977. С. 55).
- ³⁵ О взглядах А. Я. Авреха и их месте в историографии см.: Ганелин Р. Ш. Творческий путь А. Я. Авреха // История СССР. 1990. № 4.
- ³⁶ Докладная записка председателю Чрезвычайной следственной комиссии 1 июня 1917 г. // Блок А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т.5. Л., 1982. С.361—362.